

Переживая Вечность: к проблеме отношения времени и вечности в учении Гераклита

Лытунина Эвелина,

9-й класс, г. Хвалынский

Научный руководитель:

Грекова Елена Владимировна

Мир не просто удивительнее, чем мы представляем, — он удивительнее, чем мы можем себе представить.
Гераклит

Что я понял — прекрасно; чего не понял, наверное, тоже. Только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком.
Сократ о сочинении Гераклита

Пространство и время — важные факторы умственного оснащения сознания. Мыслить вне этих понятий невозможно, обычный ум не в состоянии воспринять то, что происходит не во времени и пространстве. Если мы выйдем за пределы обычного ума, что потенциально возможно при функционировании высшего умственного центра, мысль в этой сфере, может, и может выйти за границы пространства и времени, и события могут быть восприняты в совершенно другом контексте. Время тогда рассматривается как нечто совершенно отличное от простого однонаправленного движения событий из будущего через настоящее в прошлое. Оно уже воспринимается как нечто самостоятельное, имеющее свою собственную реальность, в которой прошлое, настоящее и будущее присутствуют вместе, составляя целое. Рациональный ум расчленил время на прошлое, настоящее и будущее, философский ум заявил, что бытие — то, чего никогда не было и не будет, но есть сейчас. В высших сферах ума будущее присутствует наравне с прошлым. Так что, если уяснить, что с этим уровнем не в состоянии соприкоснуться только низший или ординарный ум, предвидение и предсказание становятся вполне понятными явлениями. На это весьма настойчиво указывал Гераклит, нелицеприятно характеризуя своих современников. Как возможно рассуждать о вечности? Любой подход достаточно странен.

Айзек Азимов в своём романе «Конец вечности» рисует картину ствола-Вечности, неизменяемого вертикального обитаемого туннеля, из которого на разные ярусы — этажи времени — выходят на работу по изменению реальности трудящиеся техники: командующие ими интеллектуалы-вычис-

лители решали, что для улучшения жизни нужно что-то подправить в определённой стране в определённом веке. Вполне в духе философских мистиков, считающих вечность не чем-то постоянным в бесконечном потоке времени, а как бы существующим вне временного процесса способом специфического бытия, от времени полностью не зависимым.

Христиане и сегодня ведут себя, как пираты, всячески пытаясь взять вечность на бордаж, выпрыгнув туда не путём даже свершения добрых дел, а путём божественного прощания, искренне уверенные, что в вечности можно существовать в посмерть, в бессмертном состоянии (техников у Азимова тоже называют Бессмертными, это их ранг и статус). Религия ищет вечности в двух формах: в форме Бога и в форме бессмертия души. В Боге нет ни изменчивости, ни подобия круговорота. Жизнь после смерти вечна и неизменна. Хотя не стоит путать вечность с бессмертием, это разные вещи. В вечности их тоже привлекает в основном существование в каждый момент будущего времени.

Вероятно, поиски чего-то вечного нам необходимы. И это — один из глубочайших инстинктов, толкающих людей к философии. Возможно, он связан с любовью к дому и желанием найти убежище от опасности. Б. Рассел считал, что такое стремление наиболее страстно выражено у тех, чья жизнь наиболее подвержена катастрофам. На время особенно часто сетовали поэты: время уносило любовь или предмет любви.

Гераклит знал изменения и был уверен в их необходимости. Но он допускал в мире вечное. Это не то понятие вечности в качестве противоположного бесконечной длительности, которое пришло с Парменидом,

но Гераклит ввёл понятие никогда не умирающего Огня: мир всегда «был, есть и будет вечно живым Огнём» — и Огонь есть нечто постоянно изменяющееся, его постоянство — процесса, а не постоянство — субстанции (Гераклит этого не говорил, но это следует из его учения). Тем не менее задавшийся целью понять устройство мира Гераклит пытался ответить на оба вопроса — «что» и «как» вместе. Многие исследователи считают поэтому Гераклита поэтом, но тогда, словами М. Цветаевой, обращёнными к Пастернаку, в его творчестве «больше гения, чем поэта». Доктрина вечного потока, которую проповедовал Гераклит, мучительна, но наука не может её опровергнуть. Так в чём — Вечность? В движении? «Всё течёт и движется, и ничего не пребывает»? Гераклит стал одним из основоположников диалектики. Чему служит диалектика? Постичь связь вещей. А это выражено в Логосе как формуле или элементе упорядочивания, установления общего для всех вещей.

Возможно, Гераклит, как и его предшественники, начал с того, что искал одно общее вещество-основу для того изменчивого мира, который мы всё видим вокруг себя. Но он не вписывается ни в милетскую традицию, ни в пифагорейскую. Для него действительность состоит из движения, процесса, силы, борьбы и течения. Мир больше похож на неутомимо горящий огонь, чем на механизм, сделанный из какого-то вещества.

Гераклит говорит о себе как о том, кто имеет доступ к важнейшей истине об устройстве мира, частью которого является человек, знает, как эту истину установить. Главная способность человека — распознать истину, которая есть «общее». Логос — критерий истины, конечный пункт метода упорядочения вещей. Логос, вероятно, полагался Гераклитом как актуальный компонент вещей, и во многих отношениях и представлялся космическим компонентом, огнём.

Гераклита в античные времена называли «тёмным» в смысле «непонятным»: те из его разрозненных изречений, которые сохранились до наших дней, похожи на загадочные слова дельфийского оракула, содержат много ярких образов, значение которых иногда подчёркивается звукоподражательной игрой слов (например, известное изречение о реке начинается со слов, похожих на шум текущей реки: «аутойси потомойси»). Эти высказывания относительно независимы друг от друга:

у Гераклита совершенно нет связывающих утверждения «поэтому» и «если... то», которые характерны для науки и математики. Сам он написал, что «оракул бога в Дельфах не утверждает и не отрицает, а подаёт знак...» и что «Сивилла в бреду произносит не приукрашенные слова, которые слышны тысячу лет...» Он выбрал образцом форму пророчества, после него это повторил только Ницше.

Гераклита можно прочесть так: «Всё течёт...»; «Раздор — отец всего и господин всему...»; «Противоположности соединяются»; «Все вещи превращаются в огонь, а огонь — во все вещи...»; «Из напряжения рождается согласие, как у лука и лиры...»; «Имя лука — жизнь, но его дело — смерть» и многие другие высказывания. Он очень плохого мнения обо всём человечестве в целом («Мудрее всех был Биас из Приены, потому что сказал: «Большинство людей дурных». «Всех эфесцев следовало бы повесить...») и плохого мнения о научных и религиозных лидерах своего времени. «Многознание не научает мудрости ... иначе бы знание научило ей Пифагора... который из своей полиматии создал искусство вредить и сеять смуту», и дальше: «Они, нечестивые, думают очистить тем, что грязнят себя кровью...»; «Ночные бродяги, слуги Вакха, колдуны...». Но если попытаться развести его изречения в свете проблемы исследования, можно получить вполне чёткую картину.

Он ведь говорит о сущностном единстве противоположностей. Он устанавливает четыре вида связи между очевидными противоположностями:

а) те же самые вещи производят противоположный эффект:

«Море — вода чистейшая и грязнейшая: рыбам — питьевая и спасительная, людям — негодная для питья и губительная»;

«Свиньи грязью наслаждаются больше, чем чистой водой»;

«Прекраснейшая из обезьян безобразна в сравнении с другим родом»;

б) различные аспекты тех же самых вещей могут находить противоположные описания (письмо — линейно и округло);

в) хорошие и желательные вещи, такие как здоровье или отдых, выглядят возможными только если мы распознаём их противоположность: «Болезнь делает приятным и благим здоровье, голод — сытость, усталость — отдых»;

г) некоторые противоположности сущностно связаны (буквально «быть тем же самым»), поскольку они следуют друг

за другом, преследуются друг другом и ничем, кроме самих себя. Так, «горячее — холодное» — это горяче-холодный континуум, у этих противоположностей одна сущность, одно общее для всей пары — температура. Также пара «день — ночь» — общим для включённых в неё противоположностей будет темпоральное значение «сутки».

Все эти типы противоположностей можно вести к двум большим группам: противоположности, которые присущи или одновременно производятся одним субъектом; противоположности, которые соединены через существование в разных состояниях в один стабильный процесс. Каждая пара противоположностей, таким образом, формирует как единство, так и множественность. Различные пары противоположностей формируют внутреннюю взаимосвязь. «Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся — расходящееся, созвучное — несозвучное, из всего — одно, из одного — всё».

Эти «сопряжения» Гераклита — буквально «вещи, взятые вместе», взаимосвязи. Такие «вещи, взятые вместе», должны быть в первую очередь противоположностями: то, что дано вместе с ночью есть день. И они действительно описываются в одном смысле как «целые», то есть формирующие один континуум, в другом смысле — как «не целое», как единичные компоненты. Применяя эти альтернативные анализы к конгломерации «вещей, взятых вместе», можно видеть, что «из всех вещей единство сформировано», а также, что из этого единства может выделиться внешний, дискретный, множественный аспект вещей («всё»). Предельно логично.

Являются ли метафорами «натянутый лук и стрелы», «лира» и «вечность как играющее дитя»? А разве это не реальность? Хаос зол и в то же время осмыслен, как игра в шашки или шахматы; потому игра ребёнка есть чистая и невинная игра хаоса самого с собою — хаоса, не знающего о грехопадении, того Соляриса, о котором писал и Лем. Есть скрытая гармония «вечного хаоса бурлящих противоположностей», но утверждать, что главное у Гераклита — диалектика противоположностей, — кажется неверным. Хотя Гераклит и говорил об изменчивости и взаимном переходе явлений, но гораздо чаще он подчёркивает единство, тождество и вечность, лежащие в основе всех изменений и сами не изменяющиеся. Во всяком случае, об этом говорят сохранившиеся фрагменты.

Гераклит верил в войну. «Война, — говорил он, — отец всего и всего царь; одним

она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными». И ещё: «Гомер был неправ, говоря: «Да исчезнет война среди людей и богов!». Он не понимал, что молится за гибель Вселенной; ибо, если бы его молитва была бы услышана, все вещи исчезли бы». И в другом месте: «Следует знать, что война всеобща и правда — борьба, и что всё происходит через борьбу и по необходимости». Мир как противоборство противоположного Гераклит передаёт образом мира-схватки, мира-полюса, сражения. «Нужно знать, что сражение всеобщее, и тяжба правда, и всё становится тяжбой и взаимобязанностью». Но единство вещей очевидно, оно лежит прямо на поверхности и зависит от сбалансированных взаимодействий между противоположностями. При этом неявный тип связи между противоположностями казался ему более сильным, чем очевидный тип связи. «Скрытая гармония лучше явной», — был уверен Гераклит. Общее равновесие в космосе может быть поддержано, только если изменения в одном направлении в итоге ведут к изменению в другом, то есть если существует нескончаемая «вражда» между противоположностями. Образ реки при этом (известная «теория потока») иллюстрирует именно тот вид единства, который зависит от сохранения меры и равновесия в изменениях. Всё это — временное, претекающее, пребывающее в потоке.

Гераклит был диалектиком, он пытался понять сущность мира и его единства, опираясь не на то, из чего мир сделан, а на то, как это единство себя проявляет. Естественно, что его сразу поразила изменчивость, которую он счёл основным признаком мира. Тогда получалось, что ничего постоянного нет, всё лишь становится. Нельзя даже вообразить себе, чтобы в сущем что-то, вдруг оцепенев, застыло бы напрочь в абсолютной немоте. В ощущении оставалась лишь одна текучая волна, за которую трудно ухватиться щупальцами разума: она всё время ускользала.

Своеобразие мировоззренческой и философской позиций Гераклита в том, что он выступал как против мифопоэтической традиции Гомера и Гесиода, так и против рационализма Ионийского просвещения (против Ксенофана, Гекатея). Фундаментальная оппозиция, вокруг которой вращалась мысль Гераклита, — «одно» и «многое» (или «всё»). В онтологии, космологии, теологии, политике и этике Гераклит упорно утверждал примат «одного» над «многим»:

истинно и реально только одно, оно тождественно с субстратом «этого космоса», оно есть единственный истинный бог, оно обнаруживает себя в «естественном» законе (парадигматическом для всех человеческих законов!), оно же есть высшая этическая ценность (т.к. цель философствования обожение); соответственно, феноменальный мир «многого» увязывается им с многобожием, демократией, которую он глубоко презирал, гедонизмом как любовью к чувственному множеству, и всё это отрицалось Гераклитом как мир неподлинный и лишённый ценности. Формально монизм Гераклита был сходен с элейским, но метод был диаметрально противоположным. Если рационалист Парменид доказывает тезис о единстве путём логической дедукции, то Гераклит делал то же самое, декларируя чистый сенсуализм («что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю», заявлял он), разбивая весь феноменальный мир на пары противоположностей и показывая «тождество» каждой из них. «Единство противоположностей» у Гераклита — не «соединённость» или «связность» (которая предполагала бы их раздельную индивидуальность, вообще отрицаемую Гераклитом), но «полное совпадение», абсолютное «тождество» вплоть до неразличимости. Объективное («по природе») его «одно» эмпирически обнаруживается как «два». То есть именно насквозь антигетическая структура «явлений» у Гераклита свидетельствует о нерасторжимой «гармонии» и абсолютном единстве «скрытой природы». А под этой скрытой природой он полагал космического бога. Сокровенные «мир» и «гармония» обнаруживаются как явленные «война» и «раздор». Но люди «не понимают, что враждебное ладит с собой: перевёрнутая гармония, как лука и лиры». Два основных атрибута светлого и грозного бога Аполлона, которого Гераклит считал своим философским наставником, совпадают у Гераклита в схематической образной фигуре лука — символа войны — который при «перевёртывании», оказывается лирой — символом мира. Вся его вера в борьбу противоположностей связана с этой теорией: ведь именно в борьбе противоположности соединяются, чтобы породить движение — а оно и есть гармония. В мире существует единство, хоть и достигаемое в результате различия: «Связи: целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, согласное и разногласное, и из всего — одно, и из одного всё».

Когда читаешь Гераклита, в голову приходит, что Лосев и Флоренский были

правы, когда отмечали, что единство у упрямого философа являлось более фундаментальным, чем различие: «И добро, и зло [одно]»; «У Бога прекрасно всё, и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое справедливым»; «Путь вверх и вниз — один и тот же». И немудрено, что гераклитовское выражение «Благо для нас противоположность» стало зародышем гегелевской философии, исходящей из синтеза противоположностей.

Гераклит, рисуя свою величественную метафизическую картину мироздания, как и Анаксимандр, озаботился понятием космической справедливости: её функцией, с его точки зрения, было предотвращение возможности того, чтобы борьба противоположностей когда-либо завершилась полной победой одной из сторон. «Следует знать, что война всеобща и Правда — борьба». Течёт вечный поток, вытягивающий временные нити, плывёт золотая ладья Ра, подкарауливает его злой змей-гигант Апоп у египтян; ведут бесконечную борьбу библейские племена; вызревает идея джихада в недрах идеологии Арабского халифата; «...и в небе с огненным чёрным борется бог» у Николая Гумилева — всем временам известны интуиции вечности и борьбы. Вопрос, на который отвечает Гераклит, как всё это есть одно? — или: что такое (одно) бытие (множественного) сущего? Самый известный ответ на этот вопрос состоит в тезисе «всё течёт». В существовании многого течёт (проистекает, происходит) единое бытие. Быть — значит постоянно становиться, перетекать из формы в форму, обновляться, как та же самая река несёт новые и новые воды.

Когда мы вообще задаём вопрос «Что такое бытие?», мы понимаем, что спрашиваем о каком-то свойстве, которое имеют все существующие вещи, возвращение в мир отдельных конечных существ становится невозможным без определённой доли парадокса, потому что наиболее очевидный ответ на этот вопрос: что такое действительность — «какое-то никогда не меняющееся вещество или лишённое перемен царство формы», — заставляет нас считать всё реально существующие вещи частями единого непрерывного целого, которое никогда не было создано и никогда не может быть уничтожено. И именно в этом мире существуют Ра и Апоп, и именно этот порядок их существования и борьбы называется вечным. Но наш опыт всюду сталкивает нас с непрерывным изменением, неповторимой

индивидуальностью и чувством отдельности каждого конкретного конечного существа. Мы отдельные и конечны, у каждого следующего гроба это понимается яснее.

Разум убеждает нас удовлетвориться общим видом вещей — их неизменными свойствами, и это соблазнительно. Но, вспоминая собственный опыт, мы всюду видим себя погруженными в мир единичных вещей, а не типов потока. У мыслителя, осознающего этот парадокс, естественно, появляется склонность пересмотреть отношение философии к абстрактному мышлению. В первых, космический парадокс важнее, чем аккуратная теорема; во-вторых, физические и математические абстракции не являются адекватными средствами для сообщения истины о конкретном существовании, конкретных решениях и текущей жизни. Видимо, именно поэтому и в XXI веке так сильна среди людей религия.

Почему Гераклит вывел философию на новый уровень? — В душе его горел огонь пассивности. Возможно, поэтому его открытия были новым измерением, а не просто новым учением материалистического или формалистического типа. Что означало у него слово «пир» (огонь)? Разве огонь — вещество, как у милетцев (ведь именно на основании этого пресловутого огня Гераклита причислили к материалистам)? Во времена Гераклита не было известно, что «аэр» — воздух — материален, и огонь мало подходил на роль вещества-первоосновы. Возможно, его Огонь — просто символ постоянного преобразования и того, что перемена — мощный порыв? Возможно, его Огонь — просто ответ милетцам? Ионийцы Фалес, Анаксимандр, Анаксимен полагали, что существует некоторое исходное первовещество или первоэлемент, которое становится любыми другими вещами. Ещё до них Ферекид увидел одно из трёх начал всего сущего в земле. Мир является упорядоченным соединением различных элементов или веществ, производимых первоэлементом, первома-терией. Для милетцев объяснить мир и его феномены означало просто показать, как всё происходит, возникает или трансформируется из исходного вещества, как это происходит в случае с водой Фалеса или воздухом Анаксимена.

Не то Гераклит — он говорил вообще не об основе. Слово «огонь» имеет особую символическую силу, утверждает в «Огненном психоанализе» французский философ Башляр. «Я горю, горю, горю», — строка Керуака охарактеризовала

целое движение молодёжи. «Вечно живой огонь», который, бесконечно изменяясь, творит движущую силу мира, — больше чем символ. По меньшей мере, это физическая причина.

Скорее, у Гераклита слово «огонь» имело много значений, слитых воедино. Сохранить все оттенки значений этого изумительного космического можно только в поэзии, но не в науке и не в философии. Может быть, самое простое, что можно сказать об этом, — то, что Гераклит пытался обозначить в образе огня одновременно и напряжение, которое приводит к гармонии, и огромное количество энергии, текущей через реальный мир. Для него важнее была не материя как таковая, а присущая ей энергия. Аристотель не мог представить себе энергию в отрыве от какой-то материальной энергетической вещи, хотя его собственные воззрения могли бы навести его на мысль, что энергия без материального носителя возможна. Может быть, лишь такие недавние достижения западной мысли, как у Эйнштейна и Уайтхеда, заменили аристотелевы вещества процессами, происходящими в элементарных частицах природы, позволили заглянуть дальше, чем видел Аристотель. Огонь важен как символ, а не как первоэлемент. Огонь постоянно изменяется. То, что несёт в себе постоянство, — не первоэлемент, но сам всеобщий процесс изменений. Причём существует некий постоянный закон трансформаций. Гераклит мог бы сказать, что милетцы корректно считали, что один элемент обращается в другой через серию трансформаций, но они некорректно выводили из этого существование некоего первоэлемента как единственного источника для всего существующего.

«Если А есть источник В, а В источник С, а С обращается в В, а затем в А, тогда В аналогичен источнику А и С, а С является источником для А и В. Не существует никаких особых причин для продвижения одного элемента или вещества в качестве возмещения расхода другого вещества. Важно отметить, что любое вещество может обращаться в любое другое. Единственное постоянное в этом процессе — это закон изменения, посредством которого устанавливается порядок и последовательность изменений. И если это действительно то, что Гераклит держал в уме, разрабатывая свою философскую систему, то он далеко выходит за рамки обычной физической теории своих предшественников, и, скорее, строит систему с более тонким пониманием

метафизики», — пишет Б. Рассел. Если рассуждать чуть иначе, вывод будет тем же. Если «Огонь» — просто метафора сакрального типа, обозначающая всё же «чистую сущность» или «невоспринимаемый субстрат», к которому «примешиваются» чувственные благоволия («день — ночь» Гераклита, «зима — лето» и т.д.), воскуряемые на алтаре космоса в Храме природы, то философ отмечает, что смертные воспринимают только благоволия (т.е. «явления») и ошибочно дают им «имена» — «по запаху каждого», тогда как единственная реальная основа («природа») всех этих имён — «огонь». «Огонь» Гераклита обладает жизнью, сознанием, провиденциальной волей и «правит вселенной». Он — носитель космического правосудия (Дике) и грозный Судья, карающий грешников в конце времён; *тюр*, означающее не столько «огонь» в смысле «видимого пламени», сколько «пыл, жар» (похоже на древнеиндийское понятие «тапас»), у Гераклита приобретает значение огненной энергии, космического духа, поскольку противопоставляется плотскому, телесному бытию как его потенциал. «Угасание» огня в начале космического цикла (своего рода кенозис) приводит к его воплощению в чувственно-осоздаемое тело расчлененного космоса, состоящего из четырёх элементов. Наступает эпоха «нужды» и страданий космического бога, растратившего себя на подлунные элементы (воздух, воду, землю). Золото отдано под залог имущества, но по истечении долгового срока золото получается назад, а залог (имущество) отдаётся: огненный дух развивается и наслаждается «избытком». Эта циклическая пульсация Вселенной бесконечна и фатально неизбежна. В космогонии Гераклита отчётливо видны следы мифа о страстях умирающего и воскресающего божества. Отсюда его «трагический пессимизм»: мы живём в эпоху дегенерации бытия, но будущее человечества ещё страшнее настоящего. Не зря Гераклита называли «плачущим философом»: греки чувствовали суть описываемого им, и это здорово отличалось от уютного космоса Пифагора.

Мир — вечно живой Огонь, части которого всегда затухают к формам двух других основных мироставляющих, воде и земле. Изменения между огнём, морем и землёй устанавливают равновесие между собой; чистый, или эфирный Огонь играет определяющую роль. «На Огонь обменивается всё, и Огонь — на всё, как на золото, — товары и на товары — золото», — утверждал Гераклит. «Огонь живёт земли смер-

тью, и воздух живёт Огня смертью, вода живёт воздуха смертью, земля — воды». Огонь для Гераклита — символическое выражение всеобщего изменения. Это непрерывное самоуничтожение, Огонь живёт своей смертью. Всё, подобно пламени в костре, рождается благодаря чьей-либо смерти. «Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны, смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают». В мире существует единство, но это единство образуется сочетанием противоположностей. «Из всего одно, из одного — всё», но многое имеет меньше реальности, чем единое, которое есть Бог. Гераклитова метафизика очень динамична: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнём, мерами загорающим и мерами потухающим...» «Преобразования Огня: сначала — море, море же наполовину земля, наполовину — ураган» — чем не картинка восстания или революции? Причём Гераклит ещё и уверял, что «молния управляет всеми вещами», намекая на управляющую силу огня.

Огонь — метафора бытия как постоянно происходящего. Строй самодовлеющего мира («космос») — вечно живой. Единое бытие словно разгорается множеством сущего, но и гаснет в нём, равно как и сущее, разгораясь бытием, гаснет в его единстве. Ещё одна метафора того же самого — игра: каждый раз новая партия той же самой игры. Становление и постоянство, множественность существующего и единство бытия совмещаются, когда поток мыслится впадающим в самого себя, возгорание и угасание, начало и конец совпадают.

В огневом мире Гераклита естественным было ожидание постоянного изменения, и именно постоянное изменение было тем, во что Гераклит верил. Учение, что всё находится в состоянии потока, — самое знаменное из всех идей Гераклита, и оно больше всего подчёркивается его учениками, как это описывается в платоновском «Теэтете». «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»; «на входящих в одну и ту же реку текут всё новые и новые воды». «Всё течёт» Гераклита, по-видимому, недостоверное положение, как, например, знаменитое вашингтоновское: «Отец, я не могу солгать». Но как бы то ни было, Платон и Аристотель соглашались, что Гераклит учил, что «нет ничего вечного, всё становится» (Платон) и что «нет ничего прочного» (Аристотель). Огонь соединяет

у Гераклита время и вечность. Но его вечность не уходит в сверхвременность, как это сделали позднее христианские философы. Вечность Гераклита предстаёт нитью бус, бесконечной длительностью: шарики-бусины нанизываются и взаимопревращаются, образуя вечную цепь. При этом нет впечатления чего-то прочного, вроде реальных бусин: всё — огненно, непрочно, текуче, полыхающе.

Когда читаешь об этой непрочности, приходит в голову Бусон, вообще старые японские поэты. Непрочность — конёк дзен.

*Воздушный змей в вышине...
А только вчера маячил.*

На том же месте другой, — есть такое сезонное, летнее хайку у Бусона. Причём воздушного змея можно было написать разными иероглифами — как «расправленную бумагу» и как «бумажного коршуна». Воздушный змей — само непостоянство, непостоянный, зависит от всего — и тем не менее каждый день появляется в небе. Но — другой. Поколения сменяются в бытии, а душа-змей — то одна, то другая — всё танцует свой танец жизни в небе. Русский написал бы не так. Он написал бы на ту же тему:

*Снова трепещет
Пред иконой пламя свечи
Не той, что вчера.*

А Гераклит написал: «Солнце... новое каждый день».

Обращения к образу огня в качестве перво- и вообще-энергии Гераклиту показались явно недостаточно. Даже если мыслить просто категориями времени и временного, возникает мысль о порядке; что же тогда говорить о проблеме вечно возобновляемого мира? — порядок необходим. И Гераклит вводит этот порядок, закон, призванный сдерживать и направлять «закономерное беспокойство огня». Из бесцельного кружащегося потока времени у него рождается Логос — формула, слово, пропорция, космический порядок. А, возможно, наоборот, именно мысль о «закономерном беспокойстве» высветилась первой — и закон, Логос, сразу присутствовал в мысли философа, пытающегося объяснить картину мира. Ведь если порядок становится свойством первовещества, первоэнергии, первопринципа — мир единого и мир многого уже не будут в трагическом противостоянии. Причём борьба, даже по правилам, подчинённая закону, несёт в себе элемент

свободы, её исход не предreshён. В самой основе мира лежит возможность свободы, причём свободы, включающей в себя творческую потенцию, — не это ли и делает мир вечным? Что, если Логос — это свобода?..

Философы Нового времени толковали гераклитов Логос как безличный внешний закон природы, а христианские богословы, вплоть до С.Н. Трубецкого и о. Флоренского, отождествляли его с Богом Словом. В истории философии наибольшее споры вызвало именно это учение о Логосе, который истолковывался как «бог», «судьба», «необходимость», «вечность», «мудрость», «общее», «закон» и который в качестве мироустроителя и упорядочивающего принципа может быть понят как род универсальной закономерности и необходимости. Но ведь вопросы всей позднейшей философии Гераклит задаваться просто не мог. И учение о вечном движении мира, о Логосе как внутреннем законе вещей, о божественности огня в принципе присуще всем досократикам, Гераклит здесь не уникален. И учение о противоположностях, и учение о тождестве всего у него даны только интуитивно и ничуть не в большей степени, чем у других досократиков. В чём же тогда уникальность Гераклита и его притягательность?

А. Лосев писал, что Гераклит понимал космос «гилозоистически, а его диалектика была интуитивной»: понятия огня, Логоса, становления не образовывали систему категорий. Как и у других «ранних классиков» с их учением о Космосе, состоящем из пяти стихий, говорит Лосев, «здесь нет учения о субъективной стороне действительности, здесь нет никаких других сторон действительности, и потому это есть объективная субстанциальность, установленная при помощи абстрактно-всеобщих категорий». Но Гераклит вместе с тем завершает период ранней классики, наиболее полно схватив диалектику материи и формы, которые пребывают нераздельно и неслиянно.

Его Логос — принцип разумного единства мира, который упорядочивает этот мир при помощи смещения противоположных начал. Огонь и Логос «эквивалентны»: «огонь разумен и является причиной управления всем», а то, что «всем управляет через всё», он считает разумом. Противоположности находятся в вечной борьбе, порождая новые явления. Человеческий разум и Логос имеют общую природу, но Логос существует в вечности и управляет космосом, частицей которого является человек.

Показательная параллель Гераклита «огонь — золото (деньги)» и «логос — закон города» явно говорит о родстве Огня и Логоса как различных аспектов одного и того же сущего. Огонь выражает качественную и изменчивую сторону существующего, Логос — структурную и устойчивую; Огонь — обмен, или размен, Логос — пропорция этого обмена, хотя не выраженная количественно. В русле учения о Логосе у Гераклита совпадают судьба, необходимость и разум. Логос соединяет временное и вечное, и понимающие это философы названы Гераклитом сотрапезниками богов. Логос — и ум, и Слово-смысл («мир как речь») — имеет функцию управления. У Гераклита он отсылает к тому, «что у нас перед глазами», к видимой «речи» природы, физическому космосу, непосредственно воспринимаемому чувствами. Книгу природы нельзя прочитать, не зная языка, на котором она написана, говорит Гераклит. Вечность нельзя почувствовать, не зная Логоса.

Греческое письмо было сплошным, без словоразделения, и философия стала искусством правильного чтения, интерпретации, деления чувственного текста на «слова-вещи»; это, возможно, и навело Гераклита на идею вычленения из потока сенсорных данных каждой пары противоположностей. Мир как Логос, прочитанный правильно, — стал «одно»; прочитанный неправильно — стал «многое». Мир как одно — вечный мир. И здесь вплотную встаёт вопрос: а что, собственно, подразумевал под качествами Вечности Гераклит, который не боялся в вечности жить и не боялся смотреть ей в глаза? Ж.-П. Сартр метко заметил, что когда ты начинаешь заглядывать в бездну, она тоже начинает смотреть на тебя. Глаз такой парменидовой вечности Гераклит не видел и в них не смотрел. Гераклиту не приходило в голову представить вечность как что-то неподвижное, как неподвижную длительность. Неподвижной длительности не может быть, понимал он: ведь по самой сущности длительность создаётся движением материи, она не может быть неподвижной. Вечности должны быть присущи оба основных атрибута времени: и длительность, и последовательность. В этом, мне кажется, он на голову впереди христианских мыслителей, и именно поэтому его можно причислить к материалистам (хотя сам он понятия материи не знал). Рассматривая вечность как такое течение времени, которое не имеет начала и не придёт к концу, мы тем самым характеризуем вечностью прошлое и будущее. По отношению к первому веч-

ность тогда выступает как отсутствие начала существования мира, по отношению ко второму — как отсутствие конца мира, его гибели. Но этими двумя моментами понятия вечности не может быть исчерпано. Имеется ещё один, и притом центральный, вид времени — настоящее.

У Гераклита нет вудсвортовской классической тоски по вечности, которая осталась позади. Разве вечность может оставаться позади, вроде Золотого века греков? И что такое время, не имеющее ни начала, ни конца? Если вечность — «бесконечный отрезок времени, в котором каждое событие, находясь в будущем, становится сначала настоящим, а потом — прошлым», — разве время может определено без вечности, а вечность — без времени? Является ли вечность временем, бесконечно продолженным в двух направлениях — к прошлому и будущему? Может, время — это вечность, раздробленная на части и числа? Генри Вуон представлял себе вечность огромным ярким кольцом, под которым «клубились времени часы, и дни, и годы», всё это покрывал небесный свод — и «в нём вращался мир». Под крышей вечности. У Платона Бог, решив создать движущийся образ вечности, — создал небо и сделал этот образ вечным. Причём платонов Бог решил, что небо и время будут так связаны, что, если одно растворится, то и другое тоже — так тесно они связаны. Образы Платона существовали благодаря вечности.

Гераклитова вечность прежде всего проявляется в том, что всегда имеется реальное настоящее материального мира, наличное бытие. И оно — целое. И мы не в состоянии удержать его, понять — можем лишь ухватывать фрагменты. Разве история мира — это то, что изложено в учебниках? — там изложена полуправда о событиях, выхваченных из общего контекста людьми, которые имели охоту что-то записать в наличном бытии, подозревая, что всё же бытие — едино и сработает механизм передачи в культуре.

Что мы выхватываем для описания из окружающей нас действительности? «... день — ночь, зима — лето, война — мир, избыток — нужда (то есть всё противоположности — таков смысл); изменяется же словно, когда смешается с благовониями, именуется по запаху каждого». Эти уловленные запахи мы и передаём тем, кто сумеет принять сигнал. Но Гераклиту этого было мало. Его вечность — живой закон для всего существующего во времени. И она сама — живое существо, материальное и физичное. И эта ма-

терия вечности есть тот материал, который подражает вечности как своей модели, развертывая в последовательном порядке времени то, что дано в свёрнутом виде в вечной модели всякого времени. В отличие от учения Ксенофана, у Гераклита и бог выглядит как имманентный вещам или как сумма пар противоположностей. Гераклит вообще не ассоциировал бога с необходимостью культа или служения: «ведь не священным образом совершаются посвящения в принятые у людей мистерии», «и этим статуям они молятся, как если бы кто-либо захотел разговаривать с домами; они не знают, каковы боги и герои», «но напрасно они, запятнанные кровью, жертвоприношениями хотят очиститься, как если бы кто-либо, вступив в грязь, грязью пожелал бы обмываться. Безумным посчитал бы его человек, заметивший, что он так поступает» (хорошо бы повесить эти изречения неподалёку от церквей). Бог Гераклита сущностно не отличен от Логоса, и Логос среди других вещей собирает вещи и делает их противоположностями, отношения между ними пропорциональны и сбалансированы. Бог — общий соединяющий элемент для всех противоположных концов любых оппозиций. Тотальная множественность вещей, таким образом, формирует единый, связанный, определённый комплекс — единство. И это Единство — и есть главное. Поклонение же традиционной религии — глупость, по Гераклиту, «хотя случайно и может указывать на истину». Гераклит враждебно относился к вакхической религии — но это не было враждебностью научного рационалиста. Я думаю, проблема в том, что у него была своя собственная религия. Он мог бы быть религиозным реформатором, если бы не презирал простонародье настолько, чтобы снизить до религиозной пропаганды.

Фрагмент 52 звучит в общепринятом переводе так: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство над миром принадлежит ребёнку». И это не наивная ни о чём не говорящая метафора, которой свойственно не философское значение, а лишь фантастически-поэтическое. На деле значение у Гераклита слова «айон» требует к себе глубокого и ответственного подхода. Речь идёт не о жизни, и не о человеческой жизни, и не о жизни вообще, но именно о вечности. И то, что вечность эта уподобляется у Гераклита играющему ребёнку, нужно считать исключительно ценной характеристикой античного мировоззрения вообще. Часто думают, что, если греческие философы говорили о вечных идеях, то это было у них всегда ужасно серьёзно

и неизмеримо абстрактно. На самом же деле внимательное изучение греческих текстов свидетельствует о том, что вся космическая жизнь при всей её вековой закономерности часто представлялась им игрой и забавой. Живой, материальный, зримый, слышимый и вообще чувственно воспринимаемый космос был полон материальных сил. Он был последним абсолютом, когда отдельные боги трактуются только как принципы тех или иных сторон и областей космической жизни. А всякий абсолют всегда доволен собою. Поэтому представление о вечности как о нескончаемой детской игре является для тех времён естественным.

Многие сомневаются, можно ли в этом фрагменте Гераклита переводить «айон» как «вечность». Это — излишняя скрупулёзность, которая основана на игнорировании 50-го фрагмента, где можно прочесть: «Итак, Гераклит говорит, что всё едино: делимое — неделимое, рождённое — не рождённое, смертное — бессмертное, логос — айон, отец — сын, бог — справедливость». И дальше слова самого Гераклита: «Выслушав не меня, но логос, мудро согласиться, что всё едино».

Из этого 50-го фрагмента вытекают два обстоятельства. Во-первых, айон противопоставляется Логосу, то есть является чем-то доразумным и превышающим самый разум. И, во-вторых, айон представляет собою единство всех возможных противоположностей, так что этот айон даже выше всякого становления. Спрашивается: почему же при таких условиях гераклитовский айон мы должны понимать как «всё» или как «Зевс» или как «бог»? Перевод «вечность» в данном случае не такой уж плохой. Кроме того, такой перевод вполне соответствует и общим взглядам Гераклита на Логос, который оказывается такой мудростью, которая выше всех людских представлений. Это соответствует и общему учению Гераклита об Огне, когда философ говорит о том, что «мировой порядок, тождественный для всего», есть не что иное, как «вечно живой Огонь», который «всегда был, есть и будет» и который в течение всей вечности «мера-ми вспыхивает и мерами угасает».

Следует точнее образом представлять себе и указание 52-го фрагмента на игру ребёнка. Прежде всего, здесь не обязательно иметь в виду только шашки, можно и шахматы. Главное то, что такая игра вовсе не является произвольной глупостью. Такая игра действительно не касается смысла вещей, а относится только к соотношению вещей, к их структуре. И поэтому, с точки зрения

Гераклита, мировой порядок структурно весьма глубок и требует большой мудрости для своего познания. Поэтому здесь речь не о недоступности понимания шахматной игры для ребёнка и не о том, что она понятна только умелым шахматистам. На самом деле, с точки зрения Гераклита, даже умелым шахматистам доступно понимать только структуру игры.

Интересно, что, если отказаться от принятого перевода слова *aion* Дильсом как «вечности» и перевести его как «время» (*time*), как переводит Бернет, здесь напрашивался бы греческий «хронос» — и фрагмент звучал бы как полемика против тезиса Анаксимандра о временной упорядоченности возникновения и уничтожения, что вряд ли возможно. И, если речь здесь всё же идёт не о жизни космоса, а о жизни и судьбе отдельного человека, и звучит фрагмент так: «удел [человека] — играющее дитя, [жизнь его] — царство ребёнка», он всё равно проводит мысль о том, что «судьба играет человеком» и «что наша жизнь? — игра!»

Существует цикл трансформаций в ходе которого происходит обмен огня, земли и воды, путь «вверх» и путь «вниз». «Направляет всё и всё пронизывает» Логос. «Внимайте не мне, но моему Логосу», — призывал Гераклит. Человек может найти Логос в чём-либо «общем для всех», а не в индивидуальных мирах личных мнений и личных мечтаний временного существования. Но время этого существования и время вообще у Гераклита не делится чётко на отрезки, как у Анаксимандра, у которого каждой вещи назначен свой «день в суде», у Гераклита это всё равно «ребёнок, играющий в шашки», такой же игрок, как вечность, столь же далёкий от безмятежного порядка Пифагора.

Психология человеческого «я» толкуется таким же необычным образом. «Люди и боги... умирают в жизни друг друга и живут в смерти», «Сухая душа — самая мудрая и самая лучшая», «Людам следует крепко держаться за общее, как городу — за свои законы», «Судьба человека — в его характере», «После смерти нас ждёт то, чего мы не ожидаем и о чём не думаем». В свете такого широкого разброса толкований может оказаться и интересно, и полезно снова взглянуть на опыт парадокса, который описан Гераклитом, и на причины, которые привели его к выбору пророческого изречения как средства для описания этого опыта. Попытка напрямую передать интуитивные представления объясняет и выбор пророческого изречения как формы: такое изречение доста-

точно коротко для того, чтобы действовать на слушателя непосредственно, а его простые слова и загадочный смысл слышны и через две тысячи лет. Похожее ощущение парадокса можно найти в дзенских стихах Бусона. Это философия «жизни в свете вечности»: парадоксальная напряжённость связи «время — вечность» стала господствующей темой у японских дзен-буддистских мыслителей. Жить в свете вечности — проникнуть в единство и полноту вещей и жить в контакте с ними.

Бусон — поклонник Басё, мастер хайку, трёхстиший из семнадцати слогов. Вот несколько строк:

*Свежее утро!
Плывёт колокольный звон, оставив
Колокол позади.*

*Солнце заходит.
В караульне на кончике пики
Замерла стрекоза.*

В них, как и в других стихах Бусона, образы имеют почти осязаемую наглядность. Короткие строки, непосредственное впечатление того, как отдельное конечное событие, в котором участвует что-то шумное, звонкое, острое, угрожающее, накладывается на спокойствие свежего утра или кремово-розовых сумерек. В этом состоит философский парадокс дзен-буддистских взглядов японских поэтов: бытие спокойно и вечно, но может включать в себя существа, которые на краткий срок нарушают это вечное спокойствие. Покойное величие колокольного звона, трепетность стрекозы на орудии войны и убийства — вот что важно увидеть и осмыслить вместе с поэтом. Надо не думать об этом абстрактно, а пережить это непосредственно, и только с помощью стихов поэт мог надеяться напрямую передать собственные опыт и способность чувствовать. «Я есть ещё до того, как появился Авраам», — заявил Христос. «Я есть» — вечность, а появившийся Авраам — время; живущие в вечности не подвергаются становлению, вечность — абсолютное настоящее, пребывание в состоянии «соно-мама». «видение вещей» японского дзен, в котором жизнь утверждает себя во всей полноте.

Сравнение Бусона с Гераклитом только кажется забавным. На деле у них обоих было ощущение парадоксальности мира преходящих индивидуальных вещей. Конечно, их взгляды не полностью согласуются между собой: там, где Басё пишет

о плавном колокольном звоне, Гераклит не в состоянии ничем успокоить свой космос. Колокольный звон не помог бы Гераклиту — да и вряд ли он обратил бы на него внимание — при его-то отношении к богам. Там, где Бусон передаёт свои мысли напрямую через яркие зрительные образы, Гераклит применяет созвучия, игру слов, ясно выраженное словами противоречие. И всё же у них — одно и то же чувство парадокса в основе и одна и та же вера, что философские истины нельзя преподнести косвенным образом и в абстрактных понятиях, а следует излагать напрямую, путём интуитивных ассоциаций. Это сравнение позволяет понять и особенность современного экзистенциализма. Экзистенциалисты часто пишут не обычные «полиматические» труды, а романы, поэмы, пьесы. Может быть, это тоже потому, что у них есть чувство парадокса, которое, как они интуитивно ощущают, может быть передано только путём литературного «обмена чувствами на расстоянии». Цветок в трещине скалы по-разному опишет японец и, скажем, Теннисон. Басё или Бусон полюбуется, отметит прелесть незаметного растения, какой-нибудь надзуну, или яркой хаги, и пройдёт; Теннисон обязательно сорвёт цветок. Понюхает — и задумается над его судьбой, держа сорванный цветок в руке. Гераклит же принадлежит к тем, которые заметят и цветок, и небо, и поступок Теннисона — и даст ему оценку. Если уж Гераклит ругал Гомера, ясно, что он сказал бы по поводу Теннисона. Собственно Гераклит проповедовал то же самое, что впоследствии Бусон, — удаление от вульгарного, уход от снижающих образов в сторону благородных помыслов и чувств.

Особенно важным это становится при переходе к теме человека, к теме души. «Психеи обоняют в Аиде», — заявил Гераклит. Что такое время? — «Время есть продукт созерцания, неразрывно связанный с душой, как вечность неразрывно связана с умопостигаемым миром», — заявил Плотин. И у него же есть ещё интересное высказывание: «Вечность и является источником времени, которое она наделила собственной активностью. И эта активность живёт повсюду, потому что время неразрывно связано со всеми частями вселенной, подобно тому, как наша душа неразрывно связана со всеми частями тела». Мне кажется, Гераклит мог бы подписаться под таким заявлением.

Его Огонь, как душа Космоса, уже предполагал разумность и божественность.

А разум обладает властной силой управления всем сущим: он всё направляет и всему даёт форму. Разум, т.е. Логос, правит всем через всё. Что для чувства выступает как Огонь, для ума есть Логос. Объективная ценность человеческого разума определяется степенью его адекватности Логосу, т.е. общему миропорядку. Восстание против сущности за существование — господствующая тема философии нашего века, и в свете этих более поздних попыток исследовать конкретное существование конечных вещей Гераклита Эфесского можно было бы назвать первым западным экзистенциалистом из-за нового подхода к философии, который он применил. По свидетельству грамматика Диодота, сочинение Гераклита — не «о природе», а «о государстве». В известном смысле Гераклит был первым греческим утопистом, предвосхитившим тему «Государства» Платона и написавшим об идеальном переустройстве общества, религии и морали на основании естественного закона, начиная с радикальной реформы человеческого языка и мышления.

«Личность — божество (судьба) человека», — утверждал Гераклит. Хорошо сказано в обоих вариантах перевода. То, что необходимо, должно быть возможным. Вечность должна проявиться в «формах времени», она не должна бросить их слабыми и беспомощными, хоть обычно и отрывается от них, судя по учениям философов разных времён. Вечное прячется в движущемся и изменяющемся — это тоже знал Гераклит. То, что «было», и то, что будет, должно быть в том, что «есть» Конечное должно нести в себе или с собой всё, что принадлежит бесконечности. Поэтому мы, ограниченные временем, смертные, можем увидеть то, что существует вечно. Это значит видеть мир так, «как видит его Бог», сформулировал позже Спиноза. Вечность можно считать отрицанием по отношению к ограничениям, в которых находится человек. Эти ограничения всегда меняются, переходят из одного состояния в другое — отрицают себя, поэтому в действительности негативен сам мир, но не вечность. Вечное должно быть абсолютным утверждением, и доказательство этого утверждения — возможная Личность. Видимо, это и чувствовал П. Флоренский, предлагая развесить изображения Гераклита по церквям.

«Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю». «Для бодрствующих существует один общий мир (космос), а из спящих каждый отворачивается

в свой собственный» (и тогда воцаряется современная концепция успешности и любви к себе красивому). «И этим статуям они молятся, как если бы кто-нибудь захотел разговаривать с домами, они не знают, каковы боги и герои». Не знают главного и отворачиваются, чтобы не увидеть, что жизнь — это единство человека и мира. Человек, дитя времени, погружён в жизнь. Диалектика и этика Гераклита имеют особый смысл: они помогают человеку не выбирать, но — жить в противоречиях.

Бывают аристократы по духу, аристократы по рождению, бывают аристократы и по духу, и по рождению. Россия, например, знает Пушкина, Лунина. Таким аристократом — и по духу, и по рождению — был и Гераклит. Неважно, что ему порой нечего было есть и он жил в бедной хижине. Когда его читаешь — становишься выше и лучше.

«Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену (города)», — даёт нам из своего двухтысячелетнего прошлого совет Гераклит — и что мы можем возразить ему? «Чем больше удел, тем больше и доля достаётся по жребию». Души состоят из огня, считал Гераклит; они из него возникают и в него возвращаются, влага, полностью абсорбируемая душой, ведёт её к смерти. Огонь души соотносим с огнём мира, душа — «искорка звёздной субстанции». «Огнелогос» присущ не только мирозданию, но и душе. Человек — микроскоп именно потому, что он — целостность. Бодрствующие, спящие и мёртвые соотносимы по степени огненности в душе. Во сне души частично отделены от мирового огня, их активность снижена. Добродетельные души не становятся водой после смерти тела, напротив, живут, соединяясь с космическим огнём. «Ибо наилучшие одно предпочитают всему: вечную славу [всему] тленному. Толпа же набивает своё брюхо, подобно скоту». Интересно, что, при увлечённости темой вечного, Гераклита не интересовало бессмертие. Бессмертие как способность жить в посмертных сферах, в высших сферах вселенной не имело для него, видимо, ничего общего с жизнью в вечности. «Люди и боги... умирают в жизни друг друга и живут в смерти». «Человек, умирая, в ночи огонь сам себе зажигает». Кто достигает бессмертия? — те, кто живут в вечности на протяжении своей земной жизни, — в той мере, в какой они при этом пребывают в высшей части своего Я, которая наделяет нас бессмертием. Самому Гераклиту такое удалось.

Этика Гераклита представляет собой гордый аскетизм, сильно напоминающий ницшеанский. Его Огнелогос имеет да аспекта — вещественно-материальный и психически разумный. В вещественно-материальном аспекте душа — лишь одна из метаморфоз огня. Он рассматривает душу как смесь воды и огня: огонь — благородное начало, вода — низменное. Души возникают, «испаряясь из влаги». Душу, где больше всего огня, он называет «сухой». «Сухое сияние — психея мудрейшая и наилучшая». «Услада душам стать влагою». «Невозможный отрок ведёт опьяневшего мужа, который шатается и не замечает, куда идёт, ибо психея его влажна». «Психеям смерть стать водою». Чем больше огня, тем душа лучше. «С сердцем бороться трудно: всякая страсть покупается ценою души». «Не лучше было бы людям, если бы исполнялось всё, чего они желают». Гераклит высоко оценивал способность достигать господства над собой и презирал страсти, которые отвлекают людей от их главных целей. Как у Лермонтова: «Ужасно быть рабом страстей!..»

«Глаза и уши — дурные свидетели для людей, если души у них варварские», — замечал Гераклит. Учёные накапливают эмпирические факты, не понимая, что только умножают своё невежество: познание «явлений», считал он, подобно ловле вшей — чем больше «увидел и схватил», тем меньше осталось. Гераклит учил о совпадении судьбы, необходимости и разума. «Бог — это вечный периодический огонь, судьба же — разум, создающий всё из противоположностей». По словам Гераклита, сущность судьбы есть разум, который управляет сущностью всего. Собственно, все подобного рода античные учения опровергают взгляд на судьбу как на внешнюю механическую силу, откуда-то действующую на человека неизвестно почему. Античная судьба — скорее, объективное действие, которое развивается и идёт, движимое внутреннею силой своей разумности.

«Бытие любит прятаться», чтобы найти золотую крупницу истины, надо перекопать гору пустой породы «явлений». Но тот, кто проделает этот титанический труд и элиминирует весь феноменальный мир целиком, придёт к исходной точке и встретится с самим собой: «Я искал самого себя», — сказал Гераклит. Мудрость философа жила в соседстве с простой мудростью бытия; она была запечатлена характерной сценой, описанной Аристотелем в работе «О частях животных»: некие странники,

пожелавших взглянуть на прославленного мудреца, остановились на пороге убогого жилища, смущённые зрелищем невзрачного человека, гревщегося у очага. «Входите, — услышали они, — и здесь тоже обитают боги. Отрешённость — не отверженность, отрешённость мирит меня с миром и с людьми».

Гераклитом интересовались не только анонимные странники. Знакомства с ним пожелал сам Дарий и написал ему так: «Царь Дарий, сын Гистаспа, Гераклиту, мужу эфесскому, шлёт привет. Тобою написана книга «О природе», трудная для уразумения и для толкования. Есть в ней места, разбирая которые слово за словом видишь в них силу умозрения твоего о мире, о Вселенной и обо всём, что в них вершится, заключаясь в божественном движении; но ещё больше мест, от суждения о которых приходится воздерживаться, потому что даже люди, искушённые в словесности, затрудняются верно толковать написанное тобой. Посему царь Дарий, сын Гистаспа, желает приобщиться к твоим беседам и эллинскому образованию. Поспешай же приехать, дабы лицезреть меня в моём царском дворце. Эллина, я знаю, обыкновенно невнимательны к своим мудрецам и пренебрегают прекрасными их указаниями на пользу учения и знания. А при мне тебя ждёт всяческое первенство, прекрасные и полезные повседневные беседы и жизнь, согласная с твоими наставлениями». Смысл истории никогда не реализуется в пространстве и времени, никогда не реализуется в виде какого-нибудь события или состояния. Смысл не предмет, находимый в мире, так же как конец времени не есть часть времени. Только христианам вольно думать, что если седьмой ангел вострубит, наступит конец времён. Человек всегда должен мыслить посредством тех вещей, которые он помещает на границу, сопрягая на ней реальные события, и никогда не помещая их внутрь мира. И от этого возможны какие-то события и невозможны другие. Гераклит верил в свой Огонь и Логос — и не поехал «лицезреть» Дария. Всё учение Гераклита пронизано нитями социальности; он критиковал своих сограждан, но не пошёл служить врагам. Джордано Бруно прекрасно работал в чужих странах, предоставивших ему такую возможность, Хайдеггер принял Гитлера, Чаадаев восхищался Западной Европой. Гераклит же жил по-толстовски: «где родился — там пригодился», у него было удивительное для тех времён чувство

родины. Философы спорят, являлся ли его Огонь субстанцией или энергией; но ведь этот огонь был дух. Гераклит был великим интуитом феномена личности. Личность — божество человека, считал он.

Чтобы жить социально грамотно, нам надо понимать кое-какие отвлечённые истины относительно самих себя. Многим исследователям кажется, что Гераклит вернулся назад, в эпоху мифологии. Но его чувству парадокса придаёт новизну и яркость, фон бытия, вызванный к жизни тем вопросом, что задал Фалес. Без этого фона реальности мы обнаружили бы только пафос, а не парадокс у поэта, который пишет, что поколения людей «падают, как листья опадают с деревьев». Однако, когда разум оказывается околдован механическими моделями или математическими картами и забывает про конкретные факты изменений, борьбу и неповторимости единичного, которые являются самой основой известного нам по опыту мира, этому разуму снова нужен прорицатель. Видения человека, который обладает тонким чувством эстетики и метафизики, необходимы для того, чтобы показать нам, что аккуратный космос наших моделей и уравнений не тот мир, в котором всё существует и которое мы знаем. Человек живёт в мифе, пишет А.Ф. Лосев, очень интересовавшийся Гераклитом. И важно, каким будет этот миф: миф человека повседневности, замыкающий на себя, или миф, что связывает человека с общим, возвышающий, дающий силы, мужество и благородство быть человеком универсума в обездушенном мире? Только через любовь к общему, к идее человек может почувствовать себя смысловым центром мира, оттолкнётся от повседневности, от времени и преодолеет их. И если бы Гераклит жил чуть позже, он мог бы уже чётко поставить вопрос о возможных и оптимальных структурах индивидуального человеческого бытия в универсуме, контуры которого он успел наметить.

В искусстве и философии человек занимается в принципе одним: отдаёт себе отчёт о самом себе. Это отчётливо слышится у Гераклита, хотя сам он, возможно, об этом не думал. «Мыслить и быть — одно и то же», — считал он. Если человек в мире глух и нем, сам мир будет тьмой и немотой. «Судьба человека — в его характере», — считал он. Возможность способна реализоваться только мной, — мог бы далее написать он, — при условии моего собственного труда и духовного усилия по своему освобождению и развитию. И это трудно,

но лишь так душа может принять и прорастить высшее семя, возвыситься над собой и обстоятельствами — и только в силу этого и всё вокруг — не необратимо. Ведь всё вокруг ещё не задано целиком и полностью, всё течёт и становится. Оно — не безнадёжно. В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если сам я готов начать всё сначала, начать от себя ставшего, обретшего тот самый «Логос во мне». «Молись Афине, да рукой двигай» — древнегреческая поговорка, созданная народом задолго до появления первых мудрецов и философов, — разве не о том?

Как возможно сопряжение временного с вечным? То, что является сопрягающим поля человеческих усилий, мы ухищряемся поместить в мир в качестве совершенного образца, по народному на-

блюдению, «на блюдечке с голубой каёмочкой». Например, требуем показать нам справедливый закон или лучшую образовательную систему. Но разве возможен закон, по которому всегда бы торжествовала справедливость? Или система, выпускающая идеальных учёных, конструкторов или скульпторов? Их нет — и торжествует нигилизм. Следующей ступенью становится отрицание высокого вообще, ещё одной — возвышенное покрытие низменного, «всё дозволено, раз Бога нет». Но Гераклит уже две с половиной тысячи лет назад показал всем путь преодоления. «В человеке ещё не весь человек», — говорил Поль Валери. И разве не это говорил Гераклит? — «Не мне, но — Логосу во мне», тому высокому и святому, что делает человека человеком. Внимайте Логосу во мне, во мне главное — он. ■